

Профессор Ромэн Гафанович Назиров (1934–2004) стал известен в отечественном литературоведении как специалист по творчеству Ф. М. Достоевского. Однако его научные интересы были гораздо более широкими. После себя ученый оставил значительное количество неизданных материалов, порой очень неожиданных по тематике, но всегда индивидуально-узнаваемых по стилю.

Несмотря на то что статьи Р.Г. Назирова создавались в уже ушедшую эпоху, в них остаются и по сей день звучащие новаторские идеи, которые необходимо вводить в научный оборот. Данным материалом журнал открывает серию публикаций архивных материалов ученого, который в своих исследованиях часто отвлекался от хорошо знакомой ему проблематики русской литературы и углублялся в историю, культурологию и даже историческую лингвистику (последнее, впрочем, не всегда успешно). После открытия архива это стало большой неожиданностью даже для коллег Назирова, работавших с ним бок о бок долгие годы.

Статья «Подлинный смысл Поликрата перстня», с одной стороны, вполне вписывается в цикл опубликованных работ Назирова о фольклорных и раннелитературных сюжетах (таких, как «Череп на шесте», «Нарисованная лодка», «Хрустальный гроб»), а с другой стороны, поделила судьбу многих оставшихся в столе текстов, которые в конечном счете должны были составить масштабную монографию под названием «Превращения сюжетов», по размаху сравнимую, пожалуй, с «Исторической поэтикой» А.Н. Веселовского, которого Назиров считал одним из своих учителей. Замысел монографии ученый не оставлял, по крайней мере, до середины 1990-х годов, так что точно датировать «Подлинный смысл...» сложно. Статья имеет две редакции: расширенную и сокращенную. За основу взята пространная версия, а отсутствующие в ней замечания, которые вошли в краткую редакцию, добавлены публикаторами в публикуемый вариант и заключены в квадратные скобки.

Публикацию подготовили Б.В. Орехов и М.С. Рыбина

Р. Г. Назиров

ПОДЛИННЫЙ СМЫСЛ ПОЛИКРАТОВА ПЕРСТНЯ

Типологические сопоставления различных и не связанных между собою фактов культуры, даже сильно удаленных друг от друга во времени и пространстве, могут приносить большую пользу этнографам, историкам культуры, фольклористам и другим ученым. Попробуем проиллюстрировать это положение на одном удивительном примере.

Геродот в своей «Истории» поэтически повествует о богатстве и удачливости Поликрата Самосского, имевшего сто 50-весельных кораблей и 1000 стрелков. С такой огромной по тем временам армадой он грабил побережья, увозил на Самос богатую добычу, захватывал острова и присоединял к своей державе города Ионии и Эллады. Великое счастье Поликрата озаботило его союзника – египетского царя Амазиса. Когда же оно еще более возросло, царь послал на Самос прелюбопытное письмо:

«Амазис так говорит Поликрату: хотя и приятно узнавать о благополучии друга и гостя, но мне твое великое счастье не нравится, так как я знаю, что божество завистливо: и самому себе, и тем, которыми дорожу, я скорее желаю в одном иметь счастье, в другом – неудачу и таким образом в переменном счастье провести век, чем быть счастливым во всем. Я ни о ком даже не

слыхал, кто, пользуясь непрерывной удачей, в заключение не погиб бы злостью гибелью. Поэтому ты послушайся теперь меня и против твоего счастья сделай следующее: подумай – и что ты найдешь наиболее для себя ценным, это именно брось так, чтоб не появилось оно больше на свет; если и впредь счастье не будет чередоваться с несчастьем, пытайся помочь делу указанным мною образом».

Поняв, что совет хорош, тиран Самоса выбрал свою любимую драгоценность – изумрудный перстень с печатью, в золотой оправе. Посадив людей на корабль, Поликрат сам взошел на него и приказал грести в море; отплыв далеко от Самоса, он на глазах всей свиты снял перстень и бросил в море.

Затем он вернулся в свой дворец и предался горю.

На пятый или шестой день после этого один самосский рыбак поймал большую, красивую рыбу и принес ее в подарок своему царю. Поликрат был доволен и пригласил рыбака на обед. Когда же повара его потрошили рыбу, в брюхе нашли тот самый перстень и с ликованием отнесли Поликрату.

Считая, что случившееся – дело бога, Поликрат написал об этом событии Амазису. Тот сразу понял, что ему не спасти союзника от злой судьбы, и послал на

Самос посла с объявлением о расторжении дружбы – чтобы не пришлось ему скорбеть о друге при неминуемой гибели Поликрата.

Вскоре после этого персидский сатрап Орет, правивший в Сардах, вступил в тайные сношения с Поликратом, притворяясь попавшим в опалу, прося военной помощи и обещая уплатить за это своими сокровищами. Обман удался. Несмотря на дурные предсказания, предостережение друзей и зловещий сон дочери, Поликрат поверил коварному персу и отправился в Сарды. А сатрап Орет тут же предал его позорной смерти – распял на кресте¹.

Поликрат Самосский – лицо историческое: в 537–522 годах до н.э. он был тираном острова Самос, пекся о развитии торговли и ремесел, покровительствовал поэтам и артистам. При его дворе гостили Анакреонт и Ибикос, знаменитые греческие поэты того времени. Огромный боевой флот Поликрата царил на Эгейском море, добираясь даже до Сицилии и Эпира. Поликрат удачно лавировал между могущественным лакедемонским и алчной Персией. Самос при нем стал типичной «талассократией» ([thalassocratie] – моредержавие). Подобные государства всецело зависят от моря, от его капризов, расположения или нерасположения: ведь море для народов древности – не просто стихия, а могучее божество.

Смерть Поликрата от рук персов – исторический факт. Но весь эпизод с перстнем Поликрата, выражающий идею неотвратимости судьбы, ученые давно объявили сказкой. И в самом деле, рыба, выносящая из пучины перстень или иную драгоценность, – это широко распространенный сказочный мотив, и фольклористы Европы многократно приводили параллели к преданию о перстне Поликрата.

Одна из старейших параллелей этого ряда заключена в древнейшем сказании о перстне царя Соломона². От иудаизма этот мотив перешел в христианскую легенду; близок к нему евангельский рассказ о статире, найденном в пасти пойманной рыбы апостолом Петром (Матф., XVII, 24–26).

В житие святого Кентигерна вошла кельтская легенда: одна из королев Корнуэльса подарила любовнику перстень; по проискам короля перстень попал в реку, и тогда король потребовал от жены возвращения перстня; та в ужасе обратилась за помощью к святому Кентигерну. Даже не дослушав посланника королевы, святой велел закинуть удочку, тотчас на крючок попала рыба, и в брюхе ее нашли королевский перстень³.

Знаменитый Бенфей привел монгольскую версию мотива, в которой рыбу заменяет лягушка (из “Ssiddi-Kür”, № 13)⁴.

¹ Геродот. История. Л.: Наука, 1972. С. 151–152.

² Tendlauer. Das Buch der Sagen und legenden jüdischer Vorzeit. Zweite Aufl. 1845 (№ 39).

³ Bolland. Acta Sanctorum. Т. I. P. 820 (№ 1734).

⁴ Benfey. Panchatantra. 1859, Einleitung, S. 211–213.

Под прямым влиянием предания, сообщенного Геродотом, сложилось шлезвигское псевдоисторическое предание о богатой и жестокой помещице из рода фон Фервеллен, которая однажды, гуляя по берегу моря, сняла с пальца драгоценный перстень и швырнула в волны, сказав спутникам: «Как невозможно обратно получить перстень, так невозможно и мне когда-нибудь терпеть нищету». Через несколько дней рыбак принес в замок Фервелленхоф большую рыбу. Кухарка разрешила ее, нашла в ней перстень и вручила надменной госпоже. Через некоторое время наводнение разорило весь округ Кольберг; дама фон Фервеллен лишилась всего имущества и была вынуждена просить милостыню⁵.

Голландский вариант этой легенды сообщают Гриммы: в этом варианте действие перенесено в город Стафорен, который за грехи его жителей был позже затоплен водами Зюйдерзее, а перстень бросает в море богатая дева – и с теми же результатами⁶.

Одним словом, уже компаративисты XIX века убедительно доказали, что фаталистическое предание о перстне Поликрата, приведенное Геродотом, есть не что иное, как сказка – одна из тех бесчисленных сказок, которыми доверчивый «отец истории» расцвел свой знаменитый труд. [Мотив возвращения перстня рыбой имеет зловещий смысл⁷. За возвращением перстня или иного сокровища («отвергнутой богами жертвы») следует катастрофа. Эту функцию сохраняет аналогичный мотив в романе Бальзака «Шагреновая кожа», где Рафаэль де Валантен выбрасывает свой ужасный талисман в колодезь, но садовник находит его и приносит обратно. В несколько измененном виде тот же мотив возвращения утраченного сокровища применил и Ханс-Кристиан Андерсен в «Стойком оловянном солдатике», но здесь этот мотив возвращения предвещает катастрофу самого же стоического героя сказки.] Фольклористы благодарны Геродоту за эту прекрасную эллинскую доверчивость, но историки, естественно, относятся к рассказам родоначальника своей науки с величайшей осторожностью и не дают им веры.

А между тем напрасно: Геродот в общем очень правдив. Он лишь наивен, но он ничего не выдумывал. И бедою старого компаративизма было то, что он не умел выделить в фольклорном мотиве историческую основу. Разумеется, поликратов перстень в брюхе пойманной рыбы – это сказка. Но это не значит, что весь эпизод о перстне Поликрата следует отнести к сказкам и легендам.

⁵ Müllenhoff. № 178.

⁶ Grimm W. und J. Deutsche Sagen. I. № 240.

⁷ Черновик статьи содержит помету: «Подлинный смысл Поликратова перстня. Добавить балладу Шиллера, «Шагреновую кожу» Бальзака и «Стойкого оловянного солдатика». Но в последнем остался лишь мотив чудесного совпадения, исчез древний смысл – грозное предостережение судьбы. Выпала премонитивная функция» (Прим. публикаторов).

Вернемся на почву исторических фактов. Государства, жизнь которых всецело зависела от моря, неоднократно возникали в истории человечества. Эти «талассократии» всегда питали к морю суеверную и почтительную любовь, переноса на водную стихию тот самый культ Матери-Земли, который существовал у земледельческих народов. «Талассократией» была средневековая Венеция, которая с помощью своего первоклассного флота овладела всей Адриатикой, вышла в Средиземное море и стала богатейшим государством Европы (правда, на короткое время). В Венеции отношение к морю было особое – примерно такое, как у многих аграрных народов к Земле.

Каждый год в праздник Вознесения дож Венеции выплывал в море на великолепной, нарядно украшенной галере, которую называли «бучинторо», ибо на носу у нее находилась резная деревянная фигура букентавра – мифического существа с телом быка и головой человека. (Греческое «букентавр» (бык-кентавр) по-итальянски звучит «бучинторо».) Итак, дож в торжественной обстановке выплывал на этой галере в море и бросал в пучину золотое обручальное кольцо – вступал в символический брак с морем.

Ведь сила самосской «талассократии» и счастье Поликрата зависели от моря. Но в таком случае возвращение перстня через рыбу означало отказ от брака с Поликратом.

Геродот, видимо, неточно излагал слышанное или придумывал свои пояснения. Для него брак самосского тирана с морем был смешной нелепостью, ибо в представлении греков морем правит хмурый старик Посейдон. Однако для бродяг этого лазурного и своенравного моря их родная стихия представлялась существом женского рода.

Не понимая этого, Геродот заменил мотивировку действий Поликрата и дал нам по-гречески логичную, но ошибочную рационализацию древнего ритуала моряков – сакрального брака с морем. Конечно, рыба с перстнем в брюхе – это сказка; но мы можем утверждать, опираясь на предание из Геродота, что правители древнего Самоса задолго до венецианских дождей венчались с морем.

— — — — —